

## 2015: завершение перехода от “мягкого авторитаризма” к более жесткому

В 2015 году в России происходило усиление авторитарных тенденций, начавшееся еще в 2014-м: переход от “мягкого” авторитаризма предшествующего периода к более жесткому, а также от корпоративно-олигархического режима к режиму личной власти. В начале 2016 года укрепляется представление, что режим приблизился к пределам, за которыми возникают риски для его устойчивости. Это представление разделяют не только эксперты, но и часть элит и часть граждан. В 2016 году усугубляются риски серьезных изменений: либо инспирированных изнутри режима, либо обусловленных импульсами извне — например, разрастающимся конфликтом внутри элиты, резкими изменениями в общественных настроениях в результате какого-то серьезного сбоя на фоне ухудшения экономической ситуации или резонансом от корпоративных, региональных и прочих протестов. Но не следует недооценивать и способность режима — и граждан — к адаптации, благодаря которой Россия может приспособиться и к нынешнему кризису, и к существованию в условиях относительной изоляции, избегая драматических поворотов.

Основные изменения, происходившие в 2015 году, целесообразно рассмотреть, систематизировав их в соответствии с базовыми признаками авторитаризма:

1. Сосредоточение власти в руках одного человека или группы.
2. Монопольный контроль правящей группы над политикой.

3. Унитарные формы государства с жесткой централизацией власти.
4. Опора властей предрержащих на силу, достаточную, чтобы в случае необходимости принудить население к повиновению.
5. Обширный государственный сектор в экономике и государственный контроль в целом.
6. Отчуждение граждан от политики; жесткое ограничение прав и свобод граждан, в первую очередь в политической сфере; подавление автономной общественной активности.
7. Осуществление цензуры средств массовой информации; использование идеологических инструментов (крен в сторону символической легитимации).
8. Опора режима на поддержку большинства общества; популизм и культивирование патернализма.

Ниже эти признаки рассмотрены более подробно применительно к развитию событий в России.

### ***Сосредоточение власти в руках одного человека или группы. Монопольный контроль правящей группировки над политикой***

После аннексии Крыма в 2014–2015 годах происходит окончательная делегитимация политических институтов, в частности выборов, и сверхлегитимация персоны лидера.

Электоральная легитимность заменяется “вождистской”, которая не предполагает

посредничества элиты для обеспечения поддержки через народное голосование. Источником “вождистской” легитимности выступает лидер, общающийся с гражданами напрямую, через голову элит, а потому нуждающийся в элитах меньше, чем они в нем, поскольку теперь и они получают легитимность через вождя.

Элита формируется почти исключительно путем назначения сверху. В частности, с 2014 года губернаторы легитимируются прежде всего президентом, который их назначает, а потом проходят через дополнительное подтверждение на выборах. Кремль сознательно не назначает влиятельных и известных представителей региональной элиты в их собственный регион — в крайнем случае, в другой. При этом к участию в выборах, в отличие от 2012–2013 годов, не допускаются сильные конкуренты, способные повысить легитимность выборов.

Усиление персонализма усугубило проблемы, связанные с тем, что заложенный в Конституции механизм преемственности власти в действительности не работает. Сегодня невозможно осуществить использованный когда-то вариант с тандемом и “рокировкой”. Нынешний режим не переживет Путина — а вот он, похоже, переживет построенный им режим.

Контроль власти над политикой, и раньше почти всецело сосредоточенный в руках президента и его администрации, теперь приобрел практически монопольный характер.

Резко ослабло влияние политических партий. Принятый в 2013 году “закон Клишаса” (303-ФЗ) снизил с 50% до 25% минимальную долю депутатов региональных парламентов, избираемых по партспискам (Москве и Санкт-Петербургу разрешили полностью мажоритарные выборы), и полностью отменил минимальную долю партийных депутатов для органов местного самоуправления (МСУ). Увеличение мажоритарной части автоматически означало усиление влияния региональных администраций на состав избираемых органов.

Деятельность “несистемных” политических партий и оппозиции фактически запрещена или очень ограничена; профсоюзы

подконтрольны власти. Начатая в 2012 году политическая реформа “по Путину” как будто реализовала данные ранее обещания о восстановлении губернаторских выборов и упрощении порядка регистрации партий, но лишила их реального содержания — “по форме правильно, а по существу издевательство”. Произошло радикальное сокращение пространства публичной политики; кроме представителей партии власти к выборам допускаются лишь подкармливаемые время от времени “младшие партнеры”. Примером может служить выделение трем думским партиям “системной оппозиции” по одному губернаторскому месту: Алексей Островский от ЛДПР был назначен в апреле 2012 и. о. губернатора Смоленской области; Константин Илковский, “Справедливая Россия”, назначен в марте 2013 и. о. губернатора Забайкальского края (в феврале 2016 года ушел в отставку, оставив эсеров без губернаторской позиции); Вадим Потомский, КПРФ, стал в феврале 2014 года и. о. губернатора Орловской области. Кремль также позволил коммунистам получить на выборах позицию мэра Новосибирска в 2014 году и губернатора Иркутской области в 2015-м. Из политики вытесняются актеры, не зависимые напрямую от власти: оппозиционеры, сильные мэры, независимые наблюдатели на выборах.

Продолжился демонтаж некоторых скромных политических реформ, обозначенных в период президентства Дмитрия Медведева, с тем чтобы воспрепятствовать появлению и укреплению новых независимых политических игроков.

Ключевые политические реформы, продолжившие линию 2013–2014 годов, существенно ослабили и без того крайне слабую систему сдержек и противовесов в управлении регионами, практически вплоть до ее демонтажа.

Губернаторы, фактически назначаемые президентом, резко усилили влияние на формирование представительных органов власти. Большинство новых партий уже в 2014 году были лишены льгот при регистрации партсписков и кандидатов; вместо этого их обязали собирать подписи избирателей. Одновременно число требуемых для регистра-

ции подписей было увеличено с 0,5% до 3% от числа избирателей округа. Этот явно завышенный барьер, который к тому же носит императивный характер (он не может быть снижен регионом), стал самой жесткой нормой при регистрации кандидатов с помощью сбора подписей за всю новейшую историю страны. Главным выигравшим от этих изменений наряду со “старой системной оппозицией” стала региональная власть.

Поскольку формирование избиркомов почти полностью контролируется исполнительной властью, с 2014 года власти регионов имеют практически неограниченную возможность регулировать допуск на выборы — как региональных парламентов, так и депутатов органов местного самоуправления.

При регистрации на выборах 2015 года кандидатов по округам и партсписков были установлены новые рекорды отсева: среди выдвинутых партсписков на выборах региональных парламентов в 2015 году не дошли до выборов 39% (в первую очередь из-за массовых отказов в регистрации представителям новых партий по итогам проверки подписей). Для сравнения, в 2012 году этот показатель составлял для партсписков 2,4%, в 2013 году — 8,5%, в 2014 — 20%. На выборах горсоветов региональных центров, где ситуация чуть лучше оттого, что требуется собрать меньше подписей в абсолютном выражении, общий отсев списков составил 23,2% (в 2014 — 10%, в 2013 — 7,4%).

Еще сильнее вырос отсев представителей партий, не имеющих льгот, и самовыдвиженцев по мажоритарным округам.

### **Унитарные формы государства с жесткой централизацией власти**

С усилением экономического кризиса и сокращением количества “пряников” для обеспечения лояльности региональных элит центр все чаще прибегает к “кнуту”. В 2014 году два губернатора — новосибирский и брянский — были отстранены по утрате доверия со стороны президента, а в 2015 году произошли массовые аресты на Сахалине и в Коми — не только губернаторов, но и членов их команд;

в июне 2016 к числу губернаторов-арестантов добавился Никита Белых из Кировской области. На символическом уровне снижение авторитета региональных лидеров проявилось в форме отказа национальных республик — по настоянию Кремля — от использования слова “президент” в наименовании высшего должностного лица<sup>2</sup>.

Произошло резкое ослабление системы местного самоуправления — в частности, выросло число случаев насильственной (без согласия муниципалитетов) отмены прямых выборов глав муниципальных образований. Фактически сити-менеджеры с 2014 года окончательно превратились в прямых назначенцев губернаторов. Регионы также получили право без согласия самих муниципалитетов отменять прямые выборы районных советов населением, заменяя их делегированием от поселений.

В 2015-м систему местного самоуправления еще более ужесточили. Законом 8-ФЗ введены два новых варианта структуры органов МСУ, при которых единоличный глава муниципального образования и местной администрации избирается депутатами либо самостоятельно, либо по предложению конкурсной комиссии, в которой представители региональной администрации обычно играют определяющую роль. Нанятые по контракту сити-менеджеры получили право исполнять также и полномочия глав муниципальных образований, в то время как спикеры представительных органов, выполнявшие в этих случаях функции глав муниципалитетов, остаются только их председателями. Таким образом, функции единоличного руководителя муниципалитета переходят к чиновнику: формально нанимаемому по контракту, а фактически — назначаемому. Бывший сити-менеджер получает дополнительный политический и юридический статус, а влияние депутатов и председателя совета резко падает.

После принятия 8-ФЗ по регионам прошла волна поспешных изменений уставов муниципальных образований; в результате 2015 год стал первым, когда в единый день голосования вообще не проводилось прямых выборов мэров региональных центров. На конец 2015 года прямые выборы глав региональных

центров сохранялись только в 12 регионах.

За четыре года действия новой системы избрания губернаторов в 64 регионах главы были избраны напрямую, а еще в шести — голосованием региональных депутатов. До настоящего времени, заменяя губернаторов, власть практикует “варяжскую модель” — на Сахалине (март 2015-го), в Коми (сентябрь 2015-го) и в Тульской области (февраль 2016-го). Между тем данная модель, достаточно успешно работавшая в условиях сытного и мирного времени, может начать давать серьезные сбои в ситуации кризиса: чем более управляем из Кремля губернатор, тем менее управляема из губернаторского офиса региональная элита.

### **Опора властей предержавших на силу, достаточную, чтобы в случае необходимости принудить население к повиновению**

**Растущая роль силовиков.** Наиболее серьезные подвижки в элитном пространстве были связаны с возвышением силовиков<sup>3</sup>. Во время кризиса и тем более во время войны в стране с авторитарным режимом естественно возрастает роль силовых элит — в нашем случае прежде всего армии и ФСБ. В РФ последние пару лет происходили, с одной стороны, объективное увеличение роли силовиков и их экспансия в разные сферы, а с другой — намеренное провоцирование конфликтов внутри силовиков для укрепления роли президента в качестве арбитра и тем самым — для обеспечения контроля над силовиками.

Роль ФСБ заметно возросла после Олимпиады-2014, которая реабилитировала органы госбезопасности после провала с протестами 2011–2012 годов. Это проявляется и в законодательном расширении полномочий ФСБ, и в активизации ее действий против элит, включая и силовые, в первую очередь МВД, как на региональном, так и на федеральном уровне. ФСБ действует в некоем альянсе со Следственным комитетом; альянс этот был заложен изначально, но особенно активизировался с 2012 года.

По оценке Павла Чикова (“Агора”), с марта 2015 года

*“ФСБ получила зеленый свет президента на реализацию имеющейся оперативной (другими словами, компрометирующей) информации. Теперь есть только один центр принятия решений, сформировалась иерархия силовиков с госбезопасностью во главе, мобилизовавшей все имеющиеся ресурсы. Контроль пересечения госграницы — через Погранслужбу. Контроль за финансовыми потоками — через Росфинмониторинг. Контроль над неправительственными организациями — через Минюст. Контроль за интернетом — через Роскомнадзор. <...> МВД и ФСКН обязались согласовывать нормативные акты, регулирующие оперативную деятельность, в той же ФСБ”<sup>4</sup>.*

Применительно к российской правящей элите Ольга Крыштановская и Стивен Уайт в свое время предложили термин “милитократия”, подчеркивающий наличие во власти большого числа выходцев из силовых структур<sup>5</sup>. Представляется, что в отношении современной России точнее было бы говорить о “чекистократии”, поскольку речь идет о выходцах из КГБ-ФСБ.

Некоторое ограничение экспансии ФСБ возникло в середине апреля 2016 года, когда одновременно было создано новое суперведомство — Национальная гвардия во главе с Виктором Золотовым на базе Внутренних войск МВД, спецназа и ОМОНа, а также ликвидирована самостоятельность ФСКН и ФМС, которые были присоединены к существенно ослабленному МВД.

Национальная гвардия, которая фактически является самостоятельной спецслужбой и силовой структурой, может рассматриваться как своего рода противовес не только ФСБ, но и Минобороны, влияние которого также серьезно выросло в последнее время. Кроме того, создание Национальной гвардии — это ответ на угрозы, связанные с повышением вероятности массовых протестов на фоне углубляющегося социально-экономического кризиса.

Возвышение ФСО, представители которой не только получили ключевую роль в



Нацгвардии, но и активно используются президентом в качестве его личного кадрового резерва при назначениях в самые разные госструктуры, и формирование вдобавок к ФСБ “второй чекистской вертикали” — это не сужение, а расширение возможностей “чекистократии”, фактически получившей теперь собственную армию<sup>6</sup>.

**Судебные практики.** В 2015 году впервые за длительное время был зафиксирован значительный рост абсолютного числа и доли приговоров с реальными сроками заключения, а также падение стандартов доказывания в судах. Значительно “просели” относительно гуманные меры наказания: исправительные работы, штрафы, условные сроки. Дегуманизация структуры приговоров будет иметь долгосрочный эффект: судью, выносящего в среднем заметно более гуманные приговоры, чем его коллеги, начинают подозревать в коррупции.

Усиливается доминирование репрессивных органов над судами; первые лихорадочно наращивают объемы деятельности за счет мелких и маловажных дел. Сегодня суды все чаще пренебрегают элементарными юридическими формальностями, которые раньше судьи старались соблюдать скрупулезно, даже в ущерб смыслу разбирательства.

По данным Генеральной прокуратуры РФ, в первом полугодии 2015 года впервые за много лет выросло количество зарегистрированных силовыми структурами преступлений. Рост репрессивной активности, однако, неравномерен от ведомства к ведомству. Чемпионом роста репрессивной активности является ФСБ: там возбудили уголовных дел на 24,5% больше и довели до суда на 14,3% больше, чем в прошлом году (для сравнения, МВД отмечает рост на 4%, а Следственный комитет — на 2,6%). Для всех ведомств, включая ФСБ и СКР, которые теоретически должны быть заняты серьезными делами, большая часть активности и примерно весь ее рост приходится на небольшие и не важные дела (нетяжкие и средней тяжести) — ведомства не столько активизируют борьбу с опасной преступностью, сколько “гонят план”, пользуясь возросшей сговорчивостью судов. Даже по экономическим составам активность упала за

год на 12%, а по коррупционным — на все 14%.

Суды получают все больше ходатайств от сотрудников репрессивных органов на помещение граждан под стражу. Речь идет уже не о продолжении прежних тенденций, а об их сломе: количество поданных и удовлетворенных ходатайств о заключении под стражу неуклонно и значительно снижалось в годы, предшествующие политической реакции; это снижение затормозилось на фоне общего “закручивания гаек” после городских выступлений 2011–2012 годов, а в посткрымский период тенденция пошла вспять. При этом силовики перестали стремиться к ускорению расследования дел, что вкупе с наращиванием количества уголовных дел приводит к переполнению мест предварительного заключения.

В этих условиях спорадические амнистии становятся практически единственным способом регулирования численности заключенных и ограничения репрессий. Амнистированных судами в первой половине 2015 года было в 115 раз больше, чем оправданных. Спорадически объявляемые амнистии, все более широко применяемые, чтобы смягчить общий рост репрессивности системы, — практически единственное, что в посткрымские годы спасает российскую пенитенциарную систему от переполнения. В первый же год, который обойдется без амнистий, взрывной рост населения мест заключения практически неминуем, а рост количества осужденных к другим наказаниям — весьма вероятен.

### **Обширный государственный сектор в экономике и государственный контроль в целом**

Доля государства в экономике страны велика и продолжает расти. В 2013 году доля госсектора в экономике, по консервативной оценке Минэкономразвития, достигала 50% ВВП, причем министерство ожидало снижения этого показателя к 2018 году до 20%<sup>7</sup>. По оценке МВФ 2014 года, в отличие от официальной бюджетной статистики учитывающей финансовые показатели сектора госуправления и крупнейших подконтрольных государству компаний, вклад государства в ВВП России

составляет 71%<sup>8</sup> — при том, что в первой половине 2000-х пропорция была обратной: 30% на 70% в пользу частного сектора. В 2015 году на фоне разговоров о необходимости масштабной приватизации продолжилась национализация, ярким примером которой стала история с “Башнефтью”.

В финансовом секторе пять крупнейших банков, контролируемых государством, занимают больше половины рынка. Именно они, и в первую очередь ВЭБ, где наблюдательный совет возглавляет глава правительства (в 2008–2012 годах Владимир Путин), являются теми институтами развития, о которых Путин нелицеприятно отозвался в президентском послании 2015 года как о “помойке для плохих долгов”. Государство всецело доминирует в экономике не только как неэффективный собственник, но и в форме жесткого государственного контроля за всеми остальными собственниками, который осуществляется как с помощью законодательства, так и силовыми методами. Негативный эффект оказывают чрезмерная централизация и монополизация в большинстве секторов экономики в результате создания, начиная с середины двухтысячных годов, гигантских госкорпораций — мало прозрачных и плохо контролируемых.

**Отчуждение граждан от политики; жесткое ограничение прав и свобод граждан, в первую очередь в политической сфере; подавление автономной общественной активности**

Проводимые властью репрессии носят не массовый, а точечный характер и служат одновременно сигналами для острастки в адрес определенных групп в элите и социуме и “крючком”, на котором власть “подвешивает” эти группы, ставя в зависимость от собственных решений (*Подробнее о репрессивной политике властей см. статью Владимира Гельмана “Политика страха: как российский режим противостоит своим противникам” в “Контрапункте”, №1 — Прим. ред.*)

Объектом точечного давления и репрессий становятся силовые, управленческие и бизнес-элиты как на федеральном, так и на

региональном уровнях, неправительственные организации, протестующие — от Болотной до участников одиночных пикетов, авторы постов в интернете и социальных сетях (к многочисленным административным штрафам добавилось растущее число приговоров к реальным срокам тюремного заключения). Новацией 2015 года является жестокость наказания и наращивание практики прямых политических репрессий<sup>9</sup>. Движение “Антимайдан”, созданное в начале 2015 года “для противодействия цветным революциям”, и активизировавшийся в начале 2016-го НОД (Национально-освободительное движение) — свидетельства опоры на неформальное насилие для противодействия оппонентам власти<sup>10</sup>.

Убийство Бориса Немцова и вступление России в военные действия далеко за пределами своих границ — два важнейших события 2015 года — существенно повлияли на общественную среду, состояние гражданского общества и его взаимоотношения с государством. С момента убийства Немцова российские гражданские активисты уже не только находятся под постоянной угрозой произвола властей, но и должны опасаться за свою жизнь: в России действуют тайные силы, готовые лишить человека жизни, потому что им не по нраву его общественная деятельность. То, что государственное следствие столкнулось с активным противодействием внутри страны, усугубляет ответственность властей, не справляющихся с самой базовой функцией: защитить граждан от преступников.

По данным информационно-аналитического центра “Сова”, в 2015 выросло количество дел по так называемым “экстремистским” составам<sup>11</sup>.

Преследование неправительственных организаций по закону об “иностранных агентах” стало в минувшем году более интенсивным<sup>12</sup>. Более десятка НКО были вынуждены прекратить свою деятельность; особенно тяжелой потерей для российского гражданского общества стало закрытие Московской школы гражданского просвещения и Фонда “Династия” Дмитрия Зимины<sup>13</sup>, который поддерживал широкое разнообразие мероприятий и институций, связанных с наукой и образо-

ванием. В 2016 году число НКО, включенных в реестр “иностранных агентов”, перевалило за сотню; появились первые случаи закрытия НКО по судебному решению (“Голос”, “Агора”). За отказ признать себя “иностранным агентом” и поставить соответствующее клеймо на своей продукции ряд организаций приговорены к крупным штрафам в сотни тысяч рублей (среди них ряд подразделений “Мемориала”, Сахаровский центр, “Трансперенси интернешнл Россия”). “Комитет против пыток”, несмотря на угрозы и преследования не прекращавший работу в Чечне, уже после регистрации под новым названием (“Комитет по предотвращению пыток”) вновь был объявлен “иностранным агентом”.

Следуя логике “кто платит, тот заказывает музыку”, провозглашенной президентом в отношении НКО уже много лет назад, государство выделяет на нужды НКО значительные средства в форме грантов. Хотя среди получателей государственных грантов есть собственно неправительственные организации и даже небольшое число “иностранных агентов”, львиная доля средств достается лояльным организациям, которые действуют как агенты государства. В 2015 году среди крупнейших получателей государственных средств оказались соучредители движения “Антимайдан” — “Ночные волки” и “Боевое братство”<sup>14</sup>.

Юридической новацией 2015 года стало принятие закона о “нежелательных организациях”<sup>15</sup>, направленного против международных и иностранных организаций и объявляющего противозаконным любое сотрудничество с ними. Пока список “нежелательных” невелик; но — как и в отношении многих других репрессивных законодательных новаций — важен эффект запугивания, а не массовое применение: дубина занесена, и никто не знает заранее, когда и по чьей голове будет нанесен удар.

Граждане в повседневной жизни становятся все более беззащитными перед правоохранительными органами, которые все в меньшей степени контролируются судами и еще менее — прокуратурой. В делах с общественной значимостью — не только политических, но и таких, которые могут иметь публичный резонанс или в которых задействованы ин-

тересы влиятельных персон или ведомств, — решения судов практически предreshены политической целесообразностью. Законодательство также эволюционирует в сторону урезания прав граждан.

### ***Осуществление цензуры средств массовой информации. Использование идеологических инструментов (крен в сторону символической легитимации)***

Федеральные телеканалы полностью контролируются Кремлем уже более десяти лет, эффективно формируя и поддерживая общественное мнение по важным для власти вопросам, среди которых центральным можно считать представление о безальтернативности Путина как главы государства и его уникальное положение лидера-вне-критики. С этой точки зрения 2015 год отмечен появлением, вдобавок к Прямой линии и ежегодной пресс-конференции, нового телеформата — “документальных фильмов” о национальном лидере. В 2015 году таких фильмов было три: “Крым. Путь на родину”, “Президент” и “Миропорядок”.

В этих фильмах, как и в освещении деятельности президента в целом, еще более, чем раньше, подчеркивается личная роль Путина в принятии важнейших решений, пользующихся популярностью в обществе, — тех, что связаны с величием страны, ее военной мощью, повышением статуса в мире.

В целом уровень антизападной (антиамериканской) и антиукраинской агрессии в государственной телепропаганде несколько снизился в течение 2015 года по сравнению с 2014-м, но остался неизменным контроль над содержанием телеканалов, которые по-прежнему являются наиболее массовым СМИ, а для немалой части населения России — единственным источником информации о событиях в стране и мире. Сосредоточение всех крупнейших медиа-активов в руках государства и приближенных к Кремлю олигархов было достигнуто в предшествующие годы. В 2015-м к СМИ, находящимся под контролем государства, добавилось несколько радиостанций, перешедших во владение Госконцерта.

Наступление на негосударственные СМИ — те, что стремятся сохранить редакционную независимость, — продолжается уже четыре года. Среди событий собственно 2015-го — практическое уничтожение томского телеканала ТВ-2; произошедшая по инициативе новых владельцев “деполитизация” Forbes (прежние собственники были вынуждены продать свою долю в Forbes после вступления в силу ограничения на иностранную собственность в СМИ).

**Вторжение государства в частную и публичную сферу.** Риторика защиты “традиционных ценностей” вдохновила множество ревнителей нравственности и национальных традиций (как чиновников, так и “добровольцев”). Среди наиболее заметных эпизодов 2015 года — увольнение директора новосибирского театра Бориса Мездрича за “безнравственную” постановку оперы “Тангейзер”; погром выставки в Манеже, на которой были представлены работы советских скульпторов, включая Вадима Сидура; рейды по московским театрам, в которых чиновники обнаружили элементы безнравственности в постановках Пушкина (*Подробнее см. статьи Юлии Бедеровой и Анны Толстовой, а также интервью с Мариной Давыдовой в нынешнем номере “Контрапункта” — Прим. ред.*)

“Идеологический разворот” произошел практически сразу после возвращения Путина в Кремль. Основные установки “идеологии” — непогрешимость государства во все времена, неразрывность российской истории, антизападничество и социальный консерватизм. В течение этого периода возрастало присутствие РПЦ в публичном пространстве. Хотя общая консервативная, антимодернизационная направленность несомненна, “идеология” носит расплывчатый характер и по-прежнему избегает конкретности. Путин, прежде активно высказывавшийся по идеологическим и нравственным вопросам, в 2014 и 2015 годах уже почти не делал заявлений подобного содержания. Других очевидных общепризнанных авторитетов нет, и это открывает путь для импровизаций на консервативную, антизападную тему для широкого круга лоялистов. При этом важно отметить, что идеологическое вмешательство в реальную жизнь обще-

ства остается ограниченным (вместо единого учебника истории (и литературы) — единая концепция; за пределами “политического” телевидения российская индустрия телеразвлечений вовсе не руководствуется “традиционными ценностями”). Система в большей степени ориентирована на ограничение или наказание “идеологически неверного”, чем на формулирование четких идеологических установок.

### **Опора режима на поддержку большинства общества; популизм и культивирование патернализма**

В течение двух лет после аннексии Крыма рейтинг Путина не опускается ниже 80%. Что бы ни стояло за этими цифрами, можно говорить о том, что подавляющее большинство общества “голосует” против изменений и за “стабильность без материального благополучия” — за статус-кво даже в условиях постоянного снижения жизненного уровня (*Подробнее о причинах популярности президента и особенностях интерпретации социологических данных в условиях современного российского авторитаризма см. статью Кирилла Рогова “«Крымский синдром»: механизмы авторитарной мобилизации” в “Контрапункте”, №1 — Прим. ред.*) Доминирующей установкой россиян является “пассивная адаптация” (термин Льва Гудкова), в рамках которой граждане приспособляются и к экономическим трудностям, и к “чрезвычайной ситуации” воюющей страны. В “осажденной крепости” еще глубже патерналистское отношение к власти: присяга на безусловную верность главе государства (командиру “крепости Россия”) усиливает убежденность в том, что “от нас ничего не зависит”. Практически отсутствует общественная реакция на коррупцию высших чиновников (фильм Фонда борьбы с коррупцией (ФБК) о Чайке посмотрели более 4,5 миллионов человек, но утверждения о наличии коррупции и криминальных связей воспринимаются как само собой разумеющиеся), на катастрофы (многочисленные жертвы аварии в воркутинской шахте в феврале 2016). Либеральная часть



российского общества деморализована антизападной и антимодернизационной консолидацией большинства вокруг Кремля, а также общей атмосферой точечных репрессий и запугивания. Либеральное сообщество слабо реагирует на резкое сокращение прав (новые нормы, касающиеся уличных акций, ограничений для наблюдателей на выборах и пр.), на ужесточение наказаний (за участие в пикетах, размещение в интернете критических оценок государственной политики и т.д.) и на произвол властей и неформальное насилие (см. прим. 10).

Инструментом обеспечения/демонстрации поддержки власти со стороны большинства является блок партии власти “Единая Россия”, все более маскирующейся беспартийным ОНФ, с тремя “младшими партнерами” в лице КПРФ, СР и ЛДПР. Остальные политические силы — реальные и фиктивные, включая как восемь десятков зарегистрированных политических партий, так и несистемную оппозицию, всячески маргинализуются.

Власть по-прежнему делает ставку на популизм с культивированием патерналистских отношений между государством и гражданами. Примером такой политики являются “прямые линии” президента, который лично решает любые проблемы граждан, в прямом эфире раздает указания федеральным и региональным чиновникам и тут же получает отчеты об их исполнении; а также конференции ОНФ. При этом часто действует принцип “двух зеркал”: власть, с одной стороны, считает общественные ожидания и отвечает на них, а с другой — формирует общественное мнение.

## Элиты: баланс сил и конфликты

Последние два года привели к значительным изменениям внутриэлитных балансов. С одной стороны, в воющей стране неизбежно и значительно растет влияние силовых элит и ВПК; с другой — крах сырьевой модели экономики, санкции и связанная с этим переоценка активов тоже существенно меняют расстановку сил.

Из-за резкого сокращения “рентного пи-

рога” происходит интенсификация внутривидовой конкуренции — борьбы элитных групп за место под солнцем. Действующая система, основанная на постоянном росте “пирога”, не имеет встроенных механизмов перераспределения собственности и доходов, которое сейчас осуществляется в ручном режиме и в инициативном порядке. Необходимость быстро реагировать и принимать решения в отсутствие действенного механизма согласования интересов элитных групп все чаще приводит к односторонним действиям отдельных элитных кланов. Внутриэлитные конфликты все чаще выливаются в публичные стычки, вроде острого конфликта в марте-апреле 2015 года между руководством ФСБ и главой Чечни Рамзаном Кадыровым, который, по сути, представляет самостоятельную силовую структуру, или атак силовиков на региональные элиты (уже упомянутые выше аресты на Сахалине, в Коми и Кировской области, до этого в Волгоградской и Челябинской областях, где дело закончилось “мирными” заменами глав). Ужесточаются конфликты между отдельными силовыми корпорациями (ФСБ и СКР с одной стороны, МВД — с другой; СКР и Генпрокуратурой), с рядом конфликтов связана и экспансия ФСБ и ФСО. Вследствие этого для снятия растущей напряженности в силовом блоке и восстановления там некоторого баланса, сильно нарушенного событиями последних двух-трех лет, Кремль был вынужден создать новую мощную силовую структуру — Национальную гвардию на базе Внутренних войск МВД и охранных структур.

Эти конфликты и связанные с ними “войны компроматов”, с одной стороны, имманентны для системы, лишенной действенного разделения властей и механизмов внешнего контроля над элитами, а с другой — расшатывают и саму систему, и доверие к ней со стороны граждан<sup>16</sup>.

Поскольку главным ресурсом, за который идет борьба, в условиях кризиса становится бюджет, объективно возрастает значимость правительства и Государственной Думы. Сентябрьские выборы 2016 года будут призваны привести политический расклад сил в соответствие с новыми реалиями и пройдут в условиях повышенной внутриэлитной конку-

ренции. От способности Кремля сдерживать внутриэлитные конфликты и, хотя бы отчасти, управлять ими — что тоже невозможно без институтов — зависит само выживание системы.

## Остатки гражданской активности

Несмотря на нарастающую (практически абсолютную) уязвимость гражданского общества со стороны государства, автономные гражданские силы — организации, активисты, инициативы — пока продолжают функционировать.

НКО пытаются сопротивляться — обжалуют в суде присвоение клейма “иностраных агентов” и иногда даже добиваются успеха, невзирая на все возрастающие трудности, политические и экономические, и постоянное ожидание новых притеснений.

Со времени возвращения Путина в Кремль многие журналисты предпочли сменить профессию, немало изданий переформатировано и сконцентрировалось на “безопасных” сюжетах. Однако остались и те, кто тем не менее занимается журналистской работой<sup>17</sup>; появились даже важные новые проекты, например сайт “Такие дела”, уделяющий большое внимание социальной тематике.

В 2015 году было опубликовано немало важных расследований (среди возможных причин — обострение внутриэлитных конфликтов, ухудшение экономической ситуации, больше критических оценок со стороны части экспертов и даже правительства). Расследование, проведенное Олегом Кашиным, позволило ему назвать заказчика покушения, которое чуть не стоило ему жизни; в другой публикации тот же автор сумел раскрыть тайну дочери Путина. Среди других важных материалов, появившихся в 2015 году, — статья о застарелом конфликте между ФСБ и главой Чечни Рамзаном Кадыровым<sup>18</sup>, история о том, куда и кому поступают средства, выделяемые под эгидой министра культуры Мединского на нужды Российского военно-исторического общества<sup>19</sup>, или о родственных связях получателей и распределителей государственных грантов по конкурсу ФСКН<sup>20</sup>.

Алексей Навальный и его ФБК по-прежнему занимаются разоблачением коррупции высокопоставленных чиновников; упомянутый выше документальный фильм про генпрокурора Юрия Чайку не только собрал более четырех с половиной миллионов зрителей, но и получил награду кинофестиваля Артдокфест.

Хотя национальное телевидение легко игнорирует неприятные для власти события, на ежегодной пресс-конференции Путина в декабре 2015 года журналисты задали ему больше вопросов на неприятные темы, чем это было в предшествующие годы, — в частности, про акцию дальнобойщиков, про разоблачения Навального, связанные с генпрокурором Чайкой, и про появившуюся информацию о его дочери.

“Диссернет” расширяет деятельность и предлагает новые информационные продукты; в 2016 году “Диссернет” мог отпраздновать небольшую победу: судебным решением была отклонена попытка вернуть срок давности для предъявления претензий к диссертациям (*Подробнее о работе “Диссернета” см. статью Сергея Пархоменко “Случай «Диссернета». Опыт выживания волонтерского гражданского общества в агрессивной политической среде” в “Контрапункте”, №3 — Прим. ред.*) Проект “Последний адрес” распространился за пределы Москвы и постоянно получает заявки от новых желающих установить на своем доме таблички с именами сталинских жертв.

В 2015 году все больший интерес привлекали разнообразные просветительские, образовательные и интеллектуальные интернет-проекты; продолжается активная благотворительная деятельность. С исчезновением западного финансирования гражданские проекты самого разного рода существуют благодаря поддержке соотечественников — в форме частных пожертвований и краудфандинга. Хотя, конечно, речь идет о поддержке со стороны крайне ограниченного меньшинства, а большинство легко убедить, что все эти гражданские инициативы — дело рук “пятой колонны”.

Гражданская деятельность — как и гражданские права в целом — имеют хрупкую основу: если вместо нынешнего относительно попустительства Кремль перейдет к более

последовательной репрессивной политике, никто и ничто не защитит ни активистов, ни их проекты, ни остатки свободы высказывания в СМИ. В условиях резкого ухудшения экономики и предстоящих в сентябре выборов вероятность такого поворота возрастает. Кроме того, чем шире патерналистская консолидация вокруг режима, тем ниже интерес к гражданским инициативам и особенно доверие к оппонентам режима.

Граждане, посмотревшие фильм о генпрокуроре Чайке, охотно верят, что и коррупция, и связь чиновников с кровавыми бандами — чистая правда, но доверие к Навальному как политику остается на уровне 4%, при том, что его известность достигла 36%. (Доверие к Путину за год несколько снизилось, зато с 57% до 65% выросло число россиян, которые хотели бы видеть его президентом в 2018 году).

## Протесты

На фоне ухудшения экономической ситуации в России растет протестная активность<sup>21</sup>, однако, за редчайшим исключением, протесты носят локальный характер — либо географический, либо профессиональный. Примеры объединения вокруг “чужой” повестки практически отсутствуют. Сами протестующие чаще всего связывают надежду на решение своей проблемы не с поддержкой сограждан и не с помощью оппозиционно настроенных активистов, а с верховной властью и прежде всего с Путиным — справедливо полагая, что им скорее поможет тот, кому принадлежит вся полнота власти, а не бузотеры, критикующие режим.

Наиболее заметным протестом конца 2015 — начала 2016 года стала акция дальнобойщиков — группы, отличающейся от большинства профессиональных сообществ хорошей организацией, взаимовыручкой, налаженной коммуникацией и отсутствием привязанности к одному конкретному региону. Их опыт показал, что Кремлю нелегко справиться с хорошо организованным социально-экономическим протестом, однако власти проявили сдержанность, не действовали напролом, и в конце концов протест неиз-

бежно ослабел и сошел на нет. Задачу власти облегчила слабая общественная поддержка (если судить по данным опросов общественного мнения, граждане, особенно москвичи, поддерживали акцию дальнобойщиков — но дальше слов дело не шло).

По всем социологическим данным, ожидание протестов и готовность принять в них участие остаются на низком уровне. Впрочем, это не отменяет ни проблемы возможного наложения друг на друга ряда точечных протестов, масштаб которых способен резко вырасти при бездействии или неэффективных действиях власти, ни возможности конвертации латентных протестных настроений в электоральный протест (*Подробнее о текущем состоянии и перспективах протестной активности см. статью Самуэля А. Грина и Грэма Б. Робертсона “Способность к протесту сохраняется” в “Контрапункте”, №3 — Прим. ред.*)

## Экономика

Между экспертами практически нет разногласий в оценках состояния экономики — невозможно не признать ни резкое сокращение инвестиций и падение рубля, ни высокие темпы инфляции, ни снижение уровня и качества жизни и пр. По поводу перспектив и способов выхода из кризиса согласия меньше. Вместе с тем сократилось число катастрофических прогнозов, предрекающих “коллапс”, “крах” и пр. Чем дольше длится кризис, тем в большей мере эксперты обращают внимание на способность России к адаптации, адекватные действия правительства и Центробанка и — чрезвычайно благоприятное для власти — общественное настроение, а именно сплочение вокруг президента, готовность терпеть и приспособиваться. Благодаря этому власть может перекладывать бремя кризиса на население и за его счет решать свои проблемы (в частности, сохранять высокий уровень расходов на военные цели и силовиков). В 2015 году россияне “спокойно проглотили десятипроцентное снижение уровня потребления”<sup>22</sup>, при том, что люди, разумеется, отдают себе отчет в снижении собственных доходов и росте цен —

об этом свидетельствуют данные опросов, в частности, растущий пессимизм относительно экономических перспектив.

Сторонники умеренных прогнозов, например цитируемый выше Сергей Алексашенко, в начале 2016 года говорили о том, что российская экономика “не рухнет ни через год, ни через два”; указывали на сохраняющийся рыночный характер российской экономики, несмотря на масштабную коррупцию, государственный рэкет и постоянно растущую роль государства в экономике. В рамках этой логики, пока сохраняется свободный курс рубля и свободные цены, экономика способна искать и находить баланс — за счет инфляции и изменений курса национальной валюты. Агрессивная внешняя политика обходится дорого — и дело не только собственно в военных расходах на операцию в Сирии или в эффекте финансовых санкций, подчеркивает Сергей Алексашенко, а в изоляции России от процесса глобального разделения труда:

*“Этот негативный процесс только усиливается в результате российских контрсанкций против Европы, Америки, Турции, в результате шапкозакидательской кампании по импортозамещению, в которой сгорают, как в топке паровоза, миллиарды бюджетных рублей. Все это будет вести к технологическому отставанию российской экономики, к еще большей ее зависимости от всего импортного, но это не станет ее коллапсом”.*

Будучи сторонником “умеренного прогноза”, Алексашенко, тем не менее, предрекает России “катастрофу”, но в “историческом плане”:

*“наша страна так же, как она пропустила “сланцевую революцию” в нефтегазодобыче, пропустит прорывы в биотехнологиях и автомобилестроении, в создании искусственно-го интеллекта и в генной инженерии. <...> Для простых россиян это все выльется в нарастающее, практически вечное отставание по уровню и качеству жизни не только от наиболее развитых стран, но и от стран Прибалтики и Восточной Европы, которые всего 25 лет назад были с нами рядом”.*

Однако встречаются и те, кто говорит о необходимости решительной “политики роста” вместо нынешней консервативной политики “латания дыр” по мере их образования. Такие эксперты призывают начинать эти реформы невзирая на неблагоприятные условия, очевидные риски и все негативные черты российского государственного управления. В противном случае, предупреждают сторонники стимулирования развития, “изменений придется ждать еще сто лет”, а вместо реформ мы дождемся “бунтов и превращения экономики в командную после очередного кризиса”<sup>23</sup>.

## Экономика: региональный разрез

Общей проблемой российских регионов в условиях кризиса стал дефицит консолидированного бюджета. К концу 2015 года бюджеты дефицитны уже три года в подавляющем большинстве регионов — исключение составляют только федеральные города и ведущие нефтегазовые регионы, а также Крым. Среди главных экономических бед эксперты называют снижение доходов и заработной платы, резкий спад потребления (розничной торговли), сокращение инвестиций третий год подряд (здесь также имеются исключения — в Москве, Ханты-Мансийском АО, Красноярском крае и Башкортостане инвестиции растут) и резкий спад строительства. Высока вероятность, что 2016 год будет еще более проблемным из-за риска сокращения трансфертов в условиях растущего дефицита федерального бюджета (*Подробнее об экономической ситуации в регионах России см. статью Натальи Зубаревич “Геополитические приоритеты в региональной политике России: возможности и риски” в “Контрапункте”, №1 — Прим. ред.*)

Как говорилось выше, население адаптируется, и, хотя акции протеста случаются чаще, в целом люди приспосабливаются, сокращая потребление товаров и услуг. В сфере промышленности картина не такая безрадостная: промышленный спад не всеобщий, его география зависит от отраслевой специализации региона. Среди самых проблемных отраслей — машиностроение (производство



автомобилей, вагонов, сельхозтехники и др.) и производство стройматериалов.

Ситуация в промышленности лучше в экспортно-сырьевых регионах, особенно в новых нефтедобывающих, а также в регионах юга.

Милитаризация позволяет сохранить рост в регионах со специализацией на отраслях ВПК благодаря увеличению госзаказа, финансируемого из федерального бюджета, но в условиях растущего дефицита федерального бюджета финансирование расходов ВПК будет невозможно сохранить на том же уровне. Результатом станет неполная занятость, а в перспективе — безработица.

Пока безработица остается на низком уровне, что позволяет избежать нежелательных социально-экономических последствий спада. Причины низкой безработицы — относительно медленный спад в промышленности; уже отлаженный в ходе предыдущих кризисов способ преодоления безработицы путем неполной занятости и сокращения зарплаты, а также демография: на рынок труда выходит малочисленное поколение, а покидает его более многочисленное (это плохо для развития, но в условиях кризиса — скорее преимущество). Кроме того, наличие на рынке труда значительного числа мигрантов (в основном в строительстве и секторе услуг) обеспечивает некоторую свободу маневра: мигрантов легче увольнять; а, столкнувшись с отсутствием работы, они могут покинуть страну.

Правительство осуществляет ряд мер, направленных на поддержку занятости (общественные работы, пособия по безработице и пр.), и пока на это хватает средств. Наличие неформального сектора, в котором, по данным Росстата, занят каждый пятый, также помогает смягчить негативные социальные последствия.

Взгляд на экономику регионов в целом в начале 2016 года не дает оснований для катастрофических прогнозов в короткой перспективе. Скорее, стоит ожидать медленного ухудшения с постепенным накоплением проблем. Сохраняется инерция, выручает способность граждан и экономики в целом приспособиться к ухудшению условий. Бесконечно политику латания дыр по мере их возникновения длить невозможно — существующая система

практически выработала свой ресурс, и не столько финансово-экономический, сколько политический и управленческий. Но как скоро наступит “конец” и как он будет выглядеть, предсказать практически невозможно.

## Возвращение к электоральной легитимности?

Новая, “вождистская” легитимность В. Путина и власти в целом требует больших усилий для своего поддержания и не может сохраняться долго. Поддержание легитимности с помощью военных успехов подобно действию виагры — власти все чаще приходится “совершать подвиги”, и все короче становится время их влияния на общество: присоединение Крыма произвело самый длительный и мощный эффект, напоминание о Крыме в виде “фильма”, использование военной силы в Сирии — конфликт с Турцией — действуют короче и слабее. При этом перейти обратно к электоральной легитимности, подтвержденной очередными выборами, не так просто.

“Вождистская”, “чрезвычайная” легитимность, по сути, отрицает электоральную. “Чрезвычайная” легитимность вообще плохо сочетается с нормальными, конкурентными выборами — они ее подрывают самим предположением, что какой-то другой человек может ненадолго встать “вровень” с национальным лидером, а некая легитимная политическая сила может оспорить курс лидера. Поэтому не случайны усилия власти по делегитимации выборов, которые мы наблюдаем, будь то отказ от прямых выборов мэров, псевдовыборы назначенных, то есть уже легитимированных президентом, губернаторов, тактика “задвигания” выборов в лето и снижения общественного внимания к ним.

Не имея возможности полностью отказаться от электорального механизма, власть всякий раз сталкивается на выборах со все более сложными проблемами. Отсюда и проблемы демократической коалиции на прошедших в 2015 году выборах: ее недопущение на выборы было связано не с риском, что она получит много мандатов, а с опасениями, что она получит легальную возможность для кри-

тики власти в ходе предвыборной кампании.

Резкое ухудшение экономической ситуации в самом конце 2015 — начале 2016 года, по всей видимости, заставило элиты осознать долговременность экономического кризиса, и, как это ни странно, могло бы способствовать появлению окна возможностей для перехода от чрезвычайной военной к чрезвычайной экономической легитимности. Эту проблему можно было бы решить посредством досрочных выборов президента. Вождь, который в общественном сознании воспринимается как триумфатор, победивший внешних врагов, мог бы призвать к чрезвычайной кампании по борьбе с внутренним кризисом, запросить для этого мандат под антикризисную программу и превратить выборы в плебисцит. Впрочем, новая колея, построенная в 2014 году, может и не дать свернуть с пути жесткой конфронтации с Западом к ограниченному сотрудничеству.

Электоральная легитимность, растущая снизу, и чрезвычайная, спускаемая сверху, — суть альтернативные модели, отрицающие одна другую. Уже начавшееся в 2016 году возвращение публичной политики, заметное на праймериз ЕР в мае, означает и движение в сторону электоральной легитимности, и увеличение роли выборов как института. Иркутские губернаторские выборы 2015 года с проигрышем инкумбента — первая ласточка, знак начавшихся перемен. На выборах 2016 года таких знаков станет больше.

## Новая институционализация

Вся российская политическая система архаична. Она приобрела свой нынешний вид в другую историческую эпоху, когда власть купалась в деньгах, которых становилось все больше, и казалось, что в отечественных условиях такие сложности, как разделение властей, т.е. независимый суд и сильная представительная власть, федерализм, местное самоуправление — все, что называют системой сдержек и противовесов, — не нужны. Сегодня денег на то, чтобы заливать разрыв между примитивистской политической системой и все усложняющимися внешними

вызовами уже практически нет, и модернизация системы, ее усложнение, приведение в соответствие задачам, стоящим перед страной, является обязательным условием ее выживания. Это не означает неизбежности модернизации, тем более либеральной модернизации. Это лишь означает, что альтернативой модернизации и укрепления институтов является коллапс системы.

Трудно сказать, в каких именно формах и в какой последовательности модернизация может происходить. Можно лишь предположить, что наиболее востребованным и логичным было бы восстановление демонтированных институтов МСУ и федерализма. В любом случае новая децентрализованная политэкономическая база обусловит появление большего числа относительно независимых акторов и спрос на институты.

В 2016 году признаки перемен уже можно наблюдать, но об их масштабе и даже общей направленности пока трудно судить. Многое будет зависеть и от действий власти, и от общего внешнеполитического и экономического фона. Из того, что видно сегодня, можно предположить, что власть намеревается пойти “китайским” путем, нормализуя отношения с Западом на внешней сцене и сочетая некоторую либерализацию в экономической сфере с сохранением авторитарного курса или даже дальнейшим закручиванием гаек в сфере политической. В какой мере можно реализовать такое сочетание — большой вопрос, поскольку возможности либерализации в экономике и проведения экономических реформ без политических преобразований сегодня по большей части исчерпаны. Ни к каким предварительным планам, однако, не следует относиться слишком серьезно, поскольку и факторов неопределенности слишком много, и степень неустойчивости и неуправляемости системы слишком велика.

## Примечания

- 1 Публикуемый текст - коллективный труд участников проекта “Итоги 2015 года” Натальи Зубаревич, Александра Кынева, Марии Липман, Эллы Панеях, Николая Петрова, Андрея Солдатова под общей редакцией Марии Липман и Николая Петрова. Мы благодарим Сергея Алексашенко и Льва Гудкова, принявших участие в обсуждении доклада на стадии подготовки. Материалы проекта частично публиковались на сайте Slon.ru.
- 2 К январю 2016 года титул президента сохранил только глава Татарстана.
- 3 Согласно справке “Известий”, в России в силовых структурах работает более 4 млн человек. Общая численность сотрудников МВД составляет около 1,3 млн, Минобороны — 2,2 млн, ФСИН — 325,5 тыс., ФСКН — 40 тыс. Штатная численность судебного корпуса составляет около 30 тыс., судебных приставов насчитывается порядка 23 тыс., работников прокуратур — 63 тыс., 20 тыс. трудятся в Следственном комитете, 34,5 тыс. числится в миграционной службе; налоговиков в России около 166 тыс. Из-за секретности сложно подсчитать точное количество сотрудников ФСО, ФСБ и военной разведки, но по примерным подсчетам их численность составляет около 250 тысяч, в том числе порядка 170 тысяч пограничников. См. Кочегаров П. *Поллицейским ограничили выезд за границу* // Известия. 2014. 22 апреля. URL: <http://izvestia.ru/news/569683#ixzz3ODdOK6vn> (доступ 15.07.2016).
- 4 Чиков. П. *Силовая вертикаль. Как ФСБ подчинила себе все институты правопорядка* // Slon.ru. 2015. 30 марта. URL: [https://slon.ru/posts/49864?utm\\_source=slon.ru&utm\\_medium=internal&utm\\_campaign=follow-up#payline](https://slon.ru/posts/49864?utm_source=slon.ru&utm_medium=internal&utm_campaign=follow-up#payline) (доступ 15.07.2016).
- 5 KRYSHANOVSKAYA O., WHITE S. *Putin's Militocracy* // Post-Soviet Affairs. 2003. Vol. 19, No. 4. P. 289-306.
- 6 Чиков П. Цит. соч.
- 7 Токарева А. *Госсектор в экономике России* // Коммерсантъ-Власть. 2013. №27. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2233355> (доступ 15.07.2016).
- 8 ВАСИЛЬЕВ И. *Нефтяной ВВП: как государство наращивает долю в российской экономике* // Forbes. 2014. 6 августа. URL: <http://www.forbes.ru/sobytiya/ekonomika/infographics/264613-neftyanoi-vvp-kak-gosudarstvo-narashchivaet-dolyu-v-rossiisko> (доступ 15.07.2016).
- 9 Рогов К. *Запись в Фэйсбуке: 23 декабря 2015*. URL: [https://www.facebook.com/kirill.rogov.39/posts/1134159356601683?\\_\\_mref=message\\_bubble](https://www.facebook.com/kirill.rogov.39/posts/1134159356601683?__mref=message_bubble) (доступ 15.07.2016).
- 10 В течение 2014–2016 годов были совершены нападения на депутата (впоследствии лишённого полномочий) законодательного собрания Псковской области Льва Шлосберга, лидера оппозиционной партии Парнас Михаила Касьянова, главу Комитета против пыток Игоря Каляпина. Рамзан Кадиров неоднократно делал угрожающие заявления в адрес оппонентов власти — как до, так и после убийства Бориса Немцова.
- 11 См. отчет информационно-аналитического центра “Сова” о неправомерном применении антиэкстремистского законодательства в 2015 году. URL: <http://www.sova-center.ru/misuse/publications/2016/03/d33946/> (доступ 15.07.2016).
- 12 2015: еще один год с “иностранными агентами” // A2o.org. 2016. 22 января. URL: <http://article20.org/ru/news/2015-eshche-odin-god-s-inostrannymi-agentami#.Vp44r8KLTaY> (доступ 15.07.2016).
- 13 *Проекты Зимины закрываются из-за семи московских лекций о политике* // A2o.org. 2015. 29 мая. URL: <http://article20.org/node/4111#.Vp8--8KLTaZ> (доступ 15.07.2016).
- 14 Мухаметшина Е. *Президентские гранты за 2015 год получат и патриоты, и иностранные агенты* // Ведомости. 2015. 22 октября. URL: <http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2015/10/23/614031-prezidentskie-granti-2015> (доступ 15.07.2016).
- 15 *Федеральный закон от 23 мая 2015 г. №129-ФЗ “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”* // Российская газета. 2015. 26 мая. URL: <http://www.rg.ru/2015/05/26/fz129-dok.html> (доступ 15.07.2016); Орлов П. *Станут чужими* // Российская газета. 2015. 25 мая. URL: <http://www.rg.ru/2015/05/26/org.html> (доступ 15.07.2016).

- 16 Согласно опросу Левада-центра, одобрение деятельности правительства (50% одобряют, 48% нет) сократилось к началу 2016 года на 10 процентных пунктов в сравнении с началом 2015, фактически вернувшись к докрымскому уровню. До уровня 2011–2012 годов снизилось и одобрение деятельности региональных властей (52% –47%). URL: <http://www.levada.ru/2016/02/26/fevralskie-rejtingi-odobreniya-i-doveriya-5/> (доступ 15.07.2016).
- 17 В интервью “Свободе” руководитель “Дождя” Наталья Синдеева сообщила, что аудитория телеканала сократилась с 12 млн до менее ста тысяч подписчиков; канал испытывает проблемы в средствах. См. СУПЕР Р. *Человек “Дождя” [Интервью с генеральным директором телеканала “Дождь” Натальей Синдеевой]* // Радио “Свобода”. 2016. 19 февраля. URL: <http://www.svoboda.org/content/article/27561599.html> (доступ 15.07.2016).
- 18 *Патриоты России и ее враги* // Новая газета. 2015. 11 марта. URL: <http://www.novayagazeta.ru/inquests/67575.html> (доступ 15.07.2016).
- 19 См. Рейтер С., Голунов И. *Расследование РБК: зачем Мединскому Военно-историческое общество* // РБК. 2015. 13 июля. URL: <http://www.rbc.ru/society/13/07/2015/559e8f459a7947860ab1f73a> (доступ 15.07.2016). В 2016 году журналистские расследования РБК стали причиной жесткого давления со стороны властей. По давно отработанной модели давление на собственника (обыски в ряде офисов компаний, принадлежащих Михаилу Прохорову) привело к увольнению трех редакторов, руководивших СМИ, которые входили в состав холдинга РБК.
- 20 Черных А., Кузина А. *ФСКН распределила гранты по-братски* // Коммерсантъ. 2016. 12 января. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2889772> (доступ 15.07.2016).
- 21 Исследование, проведенное Комитетом гражданских инициатив, зафиксировало пятнадцатипроцентный рост протестов в первом полугодии 2015 года и сорокапроцентный во втором полугодии. Общее число протестов выросло с 937 в 2014 году до 1303 в 2015, но в масштабах РФ остается относительно небольшим. См. *Исследование: за год протестная активность выросла на 15%* // Газета.ру. URL: [http://www.gazeta.ru/politics/news/2015/11/02/n\\_7840985.shtml](http://www.gazeta.ru/politics/news/2015/11/02/n_7840985.shtml) (доступ 15.07.2016).
- 22 Алексашенко С. *Последний вопрос Немцова: когда российская экономика рухнет?* // РБК. 2016. 1 февраля. URL: <http://www.rbc.ru/opinions/economics/01/02/2016/56aef0ce9a79471584c10840> (доступ 15.07.2016).
- 23 Миркин. Я. *Пора действовать: почему не нужно ждать смены системы* // Slon.ru. 2016. 21 марта. URL: [https://slon.ru/posts/65513?utm\\_source=slon.ru&utm\\_medium=email&utm\\_campaign=morning](https://slon.ru/posts/65513?utm_source=slon.ru&utm_medium=email&utm_campaign=morning) (доступ 15.07.2016).